

А. К. Дживелегов

Великая реформа

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д41

Д41 **Дживелегов А.К.**
Великая реформа: Том 2 / А. К. Дживелегов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 302 с.

ISBN 978-5-518-04267-4

Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем.

ISBN 978-5-518-04267-4

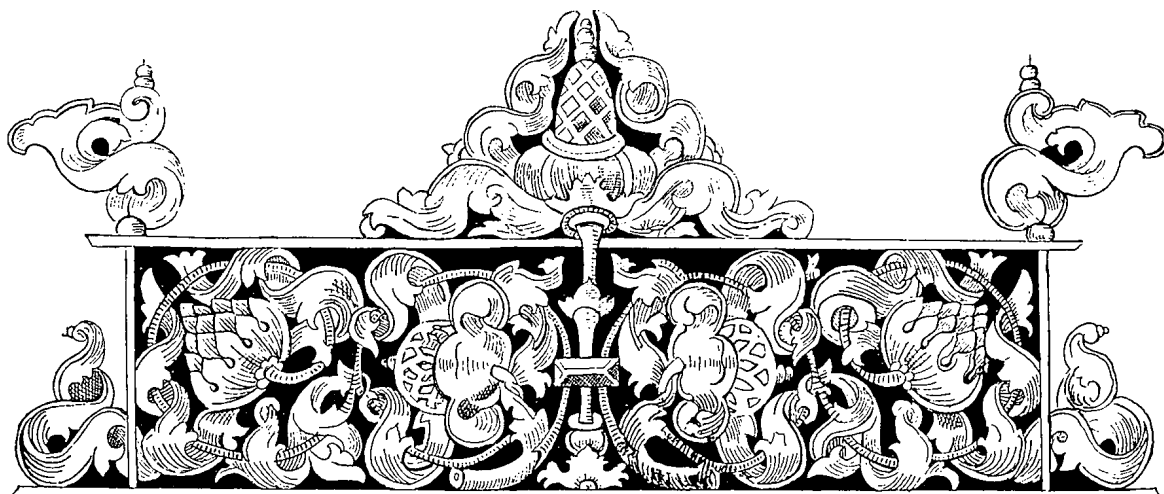
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

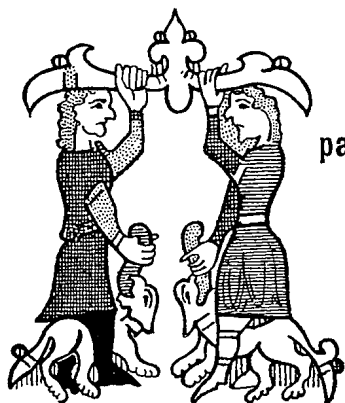
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Помѣщичьи крестьяне въ Великороссіи XVIII в.

Прив. — доц. В. И. Пичета.

раво рабовладѣнія. Въ половинѣ XVIII вѣка право землевладѣнія и тѣсно соединеннаго съ нимъ рабовладѣнія стало достояніемъ исключительно только одного благороднаго дворянства. Правительство, стоя настражѣ сословныхъ интересовъ, рядомъ законодательныхъ мѣръ запретительнаго характера, по отношенію къ лицамъ другихъ сословій, лишало послѣднихъ права землевладѣнія. Конечно, дѣлалось это исподволь, но правительственныя мѣропріятія становились опредѣленнѣе и настойчивѣе по мѣрѣ роста привилегій дворянскаго сословія и увеличенія его роли въ соціально-политической жизни страны. Аниѣ Ивановичѣ пришлось только ограничиться категорическимъ подтвержденіемъ, чтобы боярскіе люди и монастырскіе слуги и крестьяне не приобрѣтали населенныхъ имѣній; такія имѣнія велѣно продать въ полгода (указъ 25 октября 1730 года). По всей вѣроятности, указъ имѣлъ незначительное практическое примѣненіе, ибо понадобилось изданіе новаго указа, тождественнаго по своему содержанію съ первымъ. Изданъ онъ былъ сравнительно не скоро, только при Елизаветѣ Петровнѣ — 14 марта 1746 года. Имъ попрежнему предписывалось, чтобы, „впредь купечеству, и архіерейскимъ, и монастырскимъ слугамъ, и боярскимъ людямъ, и крестьянамъ, и написанныхъ къ купечеству въ цехъ, такожъ казакамъ и ямщикамъ и прочимъ разночинцамъ, состоящимъ въ подушномъ окладѣ (кромѣ тѣхъ, кому

по уложенію и по указамъ помѣстія и вотчины и крѣпостныхъ людей имѣть вельно), людей и крестьянъ съ землями и безъ земель покупать во всемъ государствѣ запретить, и крѣпостей онымъ нигдѣ не писать“. Правительственныя распоряженія теперь не были только теоретическимъ заявленіемъ опредѣленнаго принципа, и когда происходило генеральное межеваніе въ 1754 году, то по инструкціи требовалась отписка на государя всѣхъ имѣній, прибрѣтенныхъ до 1730 года и не проданныхъ въ полугодовой срокъ: „у купцовъ, монастырскихъ слугъ, боярскихъ людей, дворцовыхъ, синодальныхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ и приказныхъ служителей, не имѣющихъ оберъ-офицерскаго ранга и не изъ дворянъ, а также и у ихъ женъ, хотя бы онѣ происходили изъ дворянства“.

Крестьянинъ на молотѣбѣ. (Le Prince).

Строгое примѣненіе въ жизни правилъ межевой инструкціи уничтожило бы недворянское землевладѣніе, но, очевидно, дѣйствительность создавала кое-какія тренія, разъ то же правительство, спустя 4 года, успѣшило напомнить о правилахъ, изданныхъ по государственному межеванію земель. Впрочемъ, и послѣ межеванія встрѣчались недворяне-землевладѣльцы, такъ какъ правительство не рѣшилось наложить свою руку на земельныя владѣнія нѣкоторыхъ второстепенныхъ чиновниковъ, предки которыхъ владѣли деревнями по писцовымъ и переписнымъ книгамъ. Помимо этого, въ качествѣ историческаго анахронизма, право владѣнія пожалованными землями сохранилось за смоленскими купцами и мѣщанами. Когда

Смоленскъ отошелъ къ Москвѣ послѣ 1667 года, русскому правительству пришлось оставить за мѣстнымъ населеніемъ всѣ пожалованія польскихъ королей временъ Сигизмунда III и Владислава IV, ради привлеченія смолянъ на свою сторону.

Такой же опредѣленной тенденціи держалось правительство и въ вопросѣ о прибрѣтеніи крестьянъ безъ земли. Въ XVII в. права владѣнія холопами не было регулировано закономъ, и разнообразныя общественныя элементы довольно широко пользовались трудомъ своихъ крѣпостныхъ слугъ. И петровское законодательство въ эпоху первой ревизіи считалось только съ налич-

ностью многочисленного холодства, не подымая вопроса о правѣ владѣнія ими. Но такое снисходительное отношеніе, конечно, не могло продолжаться долго. Разъ земельный капиталъ и привязанныя къ нему рабочія руки сосредоточились только въ рукахъ одного сословія, то такая же судьба должна была постигнуть и право владѣнія и пріобрѣтенія крестьянъ безъ земли лицами недворянскаго происхожденія. Дворянство въ XVIII вѣкѣ уже боялось соперничества торгово-промышленнаго класса. Предоставленіе права пріобрѣтать крестьянъ безъ земли лицамъ недворянскаго происхожденія усилило бы купеческое сословіе, которое посредствомъ покупки крестьянъ у помѣщиковъ средняго и мелкаго достатка пріобрѣло бы нужный для него контингентъ рабочихъ рукъ для болѣе планомѣрнаго расширенія своей торгово-промышленной дѣятельности. Правительство и въ этомъ вопросѣ пошло навстрѣчу дворянскому сословію, запретивъ рядомъ указовъ лицамъ недворянскаго происхожденія пріобрѣтать крестьянъ безъ земли. Впрочемъ, и тутъ приходилось дѣлать нѣкоторыя исключенія изъ общаго правила: право владѣнія дворовыми людьми попрежнему сохранялось за посадскими, кузнецами и другими цеховыми мастерами, за которыми дворовые люди были записаны въ первую ревизію. По желанію ихъ можно было записывать и въ списки второй ревизіи (указъ 1746 года). Но дворовые и крестьяне, купленные послѣ первой ревизіи, не могли быть записанными за посадскими и мастерскими, и, по инструкціи ревизоромъ, они отбирались и записывались въ посады, цехи, на государевы земли, заводы, фабрики и за помѣщиками, лишь бы только принявшіе къ себѣ платили за нихъ подушную подать. Результатомъ всей этой узкосословной законодательной политики было то, что ко времени Екатерины II земельное и безземельное рабовладѣніе стало привилегіей потомственнаго дворянства ¹⁾.

Старая крестьянка. (Le Prince).

¹⁾ Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что заинтересованныя въ рабовладѣніи лица на практикѣ находили способы обхода законодательства для пріобрѣтенія нужныхъ имъ крепостныхъ слугъ. Такой способъ былъ выгоденъ для нѣкоторой части дворянства, продававшихъ крестьянъ по высокой цѣнѣ.

Крѣпостное право и ревизіи. Въ продолженіе всего XVIII вѣка общее количество крѣпостныхъ крестьянъ непрерывно увеличивается. Лучшимъ показателемъ этого роста являются данныя генеральныхъ ревизій, произведенныхъ правительствомъ 4 раза послѣ петровской ревизіи. Точное количество крѣпостныхъ крестьянъ во время первой ревизіи неизвѣстно, вслѣдствіе чего нельзя сказать ничего опредѣленнаго о величинѣ крѣпостнаго населенія въ періодъ отъ 1724 года до времени второй ревизіи (1743—1746 г.). По всей вѣроятности, ко времени второй ревизіи крѣпостное населеніе пошло на убыль въ сравненіи съ первой ревизіей, такъ какъ вообще замѣчается общая убыль населенія съ 1719 по 1741 г., Если считать, что по второй ревизіи въ Великороссіи и Сибири было около $3\frac{1}{2}$ милл. душъ мужскаго пола, то ко времени пятой ревизіи въ тѣхъ же мѣстностяхъ было крѣпостныхъ 5.700.465 д. м. пола. По всей вѣроятности, эти цифры необходимо немного увеличить, такъ какъ при подачѣ ревизскихъ сказокъ владѣльцы скрывали отъ правительства дѣйствительное число крѣпостныхъ, и притомъ не мало изъ крѣпостныхъ находились въ бѣгахъ и не могли быть записаны въ сказки.

Во всякомъ случаѣ къ концу вѣка абсолютная численность крѣпостной массы увеличилась, хотя въ отношеніи всего сельскаго населенія незамѣтно увеличенія; а процентъ крѣпостныхъ крестьянъ остается на одномъ уровнѣ въ періодъ четырехъ ревизій, равнясь 53.7%—53.1%. На увеличеніе % крѣпостныхъ крестьянъ въ Великороссіи и Сибири не могли повліять многочисленныя Екатерининскія пожалованія, розданныя по преимуществу за предѣлами Великороссіи.

Принадлежность къ крѣпостному состоянію опредѣлялась записью въ помѣщичьи ревизскія сказки. Если, съ одной стороны, подача ихъ была непріятна помѣщикамъ, такъ какъ ими опредѣлялись размѣры подушной подати, падавшей на помѣщичье имѣніе, то, съ другой стороны, при составленіи ихъ помѣщики старались записать туда возможно большее количество лицъ свободныхъ состояній, терявшихъ съ этого времени свою свободу. Встрѣчались примѣры, когда помѣщики по враждѣ записывали въ податные списки своихъ родственниковъ. Со времени второй ревизіи записью въ ревизскія сказки закрѣпошались оставшіеся за штатомъ причетники съ дѣтьми и дѣти находившихся на службѣ священно-служителей. Такая же судьба постигала и свободную сторону, вступившую въ бракъ съ лицомъ несвободлаго состоянія, вольноотпущенныхъ, незаконнорожденныхъ, дѣтей отставныхъ солдатъ, взятыхъ на службу изъ помѣщичьихъ деревень и потомъ вернувшихся на родину. Купленные восточные инородцы записывались въ тѣ же сказки. Туда же попадали военноплѣнные, разнаго рода бунтовщики и населеніе пожалованныхъ имѣній. Но всѣ эти общественные элементы, по существу, лишь составляли добавочное крѣпостное населеніе Основнымъ его ядромъ были потомственно-крѣпостные крестьяне.

Территориальное распределение крепостного населения. Распределение крепостной массы по территории было крайне неравномерно, и уже в XVIII вѣкѣ кое-гдѣ замѣчалось несоответствіе плотности крепостного населенія и производительности земли: гдѣ земля была менѣе плодородна, тамъ плотность оказывалась наиболѣе значительной; гдѣ же почвенныя условія были болѣе благоприятны, тамъ крепостное населеніе было относительно рѣдкое. Для XVIII вѣка такое несоответствіе плотности населенія производительнымъ силамъ земли еще не имѣло большого значенія, вслѣдствіе слабого развитія товарообмѣна въ странѣ, хотя въ слабой степени все-таки сказалось на мѣстностяхъ, близкихъ къ сельско-хозяйственному рынку. Основное ядро крепостного населенія жило въ современной центральной Россіи. По даннымъ третьей ревизіи въ тогдашней Московской губерніи, состоявшей изъ нѣсколькихъ современныхъ, было крепостныхъ 72%; въ общей сложности, тутъ помѣстилось 38% всего крепостного населенія Великороссіи. По мѣрѣ удаленія отъ этой губерніи на востокъ, югъ и сѣверъ падалъ % крепостного населенія, спускаясь до 15% въ Петербургской губерніи. Административное дѣленіе 1775 г. даетъ возможность еще точнѣе представить картину территориальнаго распределенія крепостного населенія. Въ отдѣльных губерніяхъ % крепостного населенія подымается до 83%, но зато еще болѣе отчетливо представляется паденіе % крепостныхъ отъ центральной Россіи: такъ, въ Тамбовской — 45%, Пензенской — 51%, Орловской — 68%. Курской и Воронежской — 47%, Уфимской — 21%, Казанской — 18%, Олонецкой — 6%. Вятской — 2%.

Валдайскій крестьянинъ (Изъ книги
The Costum of the Russian, Lond. 1804)

Помѣщичье хозяйство и повинности крестьянъ. Экономическій бытъ крепостного крестьянства складывался въ зависимости отъ тѣхъ условій, въ которыхъ развивалось помѣщичье хозяйство. Въ этомъ отношеніи условія его далеко не одинаковы для первой и второй половины XVIII вѣка. Послѣ середины вѣка въ экономическомъ развитіи страны замѣчалось рѣзкое движеніе впередъ, сопровождавшееся разложеніемъ натурально-хозяйственнаго строя, значительнымъ увеличеніемъ внутренняго и вѣшняго товарообмѣна, ростомъ

крупной промышленности и увеличеніемъ экономическаго значенія городовъ и городскихъ рынковъ, несмотря на крайне неблагопріятное условіе для подъема торгово-промышленной жизни города XVIII вѣка. Конечно, всѣ эти явленія, столь рѣзко бросающіяся въ глаза при изученіи хозяйственнаго строя и экономическихъ отношеній въ XVIII вѣкѣ, являлись только дальнѣйшими ступенями въ разложеніи первобытнаго по структурѣ хозяйства, съ примитивными техническими приѣмами. Уже во второй половинѣ XVI вѣка можно подмѣтить факты, говорящіе о переломѣ въ хозяйственной жизни XVI вѣка. Паденіе цѣнности денегъ и замѣна натуральныхъ податей денежными, а въ связи съ этими явленіями ростъ крѣпостнаго права, задолженность крушнаго землевладѣнія и сравнительно быстрая мобилизація земельной собственности указывали на разложеніе стараго натурального хозяйства. Конечно, появленію новыхъ экономическихъ формъ и отношеній во многомъ содѣйствовало возникновеніе крупнаго внѣшняго рынка, благодаря завязавшимся во второй половинѣ XVI вѣка торговымъ сношеніямъ съ англичанами. Экономически отсталая страна могла поставлять на рынокъ только продукты добывающей промышленности и, въ частности, сельскаго хозяйства.

Конечно, въ этомъ товарообмѣнѣ могли принять участіе только мѣстности, наиболѣе близкія къ рынку. Торговля велась черезъ Архангельскъ; поэтому въ торговый оборотъ были вовлечены мѣстности къ сѣверу отъ Москвы, съ мало благопріятными для развитія земледѣльческой культуры почвенными и климатическими условіями. И, тѣмъ не менѣе, здѣсь на нечерноземной полосѣ, несмотря на малоблагопріятныя условія, сельско-хозяйственная культура, съ трехпольнымъ сѣвооборотомъ, пустила глубокіе корни.

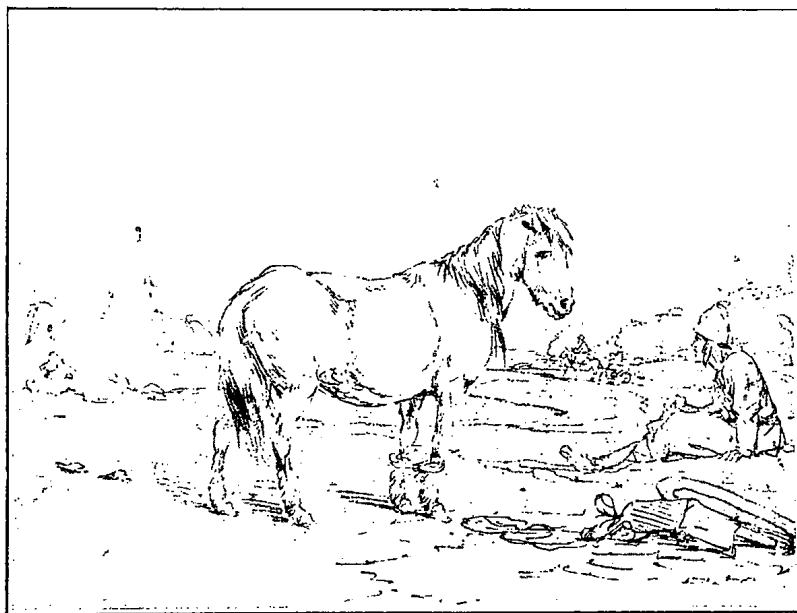
Предметомъ внѣшней торговли служили не только хлѣбъ, но и другіе виды сельско-хозяйственной культуры—техническія растенія: ленъ, конопля, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя мѣстности въ нечерноземной полосѣ были особенно благопріятны для культуры льна и конопли. Въ зависимости отъ внѣшняго рынка формируется и внутренній сельско-хозяйственный рынокъ. Москва, бывшая въ центрѣ этого хозяйственнаго подъема, становится крупнѣйшимъ торговымъ центромъ ¹⁾. вмѣстѣ съ этимъ сельско-хозяйственная культура постепенно распространяется къ югу отъ Москвы, куда изъ южныхъ областей экспортируется огромное количество хлѣба.

Въ XVII вѣкѣ районъ сельско-хозяйственнаго рынка сталъ еще шире. Благодаря государственной и народной колонизаціи населенная территория значительно увеличилась на востокъ и юго-востокъ. Мало-по-малу мѣстности съ болѣе плодородной почвой втягивались въ кругъ сельско-хозяйственнаго товарообмѣна. Впрочемъ, отдаленность отъ Москвы препятствовала этимъ мѣстностямъ принять болѣе интенсивное участіе въ возникшемъ товаро-

¹⁾ Рожковъ, «Сельское хозяйство въ Московской Руси», стр. 280.

обмѣнѣ, и сельско-хозяйственная культура въ XVI—XVII в. развивалась по преимуществу въ нечерноземной полосѣ. Было бы неправильно представлять себѣ, будто въ XVII вѣкѣ не было мѣстныхъ рынковъ для земледѣльческихъ продуктовъ. Прежде всего въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ доминировало скотоводство, не хватало хлѣба, и его приходилось привозить изъ другихъ мѣстностей. Затѣмъ сформированіе такого крупнаго сельско-хозяйственнаго рынка, какъ Москва, вызвало сильное движеніе отъ центра къ периферіи. Скупщики хлѣба и другихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ отправлялись въ мѣста ихъ производства; тамъ и возникали свои мѣстные торги, куда населеніе свозило хлѣбъ. Такъ въ XVII в. крупнѣйшимъ хлѣбнымъ рынкомъ сталъ Нижній-Новгородъ, откуда уже увозили хлѣбъ въ сѣверныя области.

Конечно, образованіе юго-восточнаго рынка окончательно лишило значенія Ярославль, имѣвшій огромное значеніе въ XVI в., какъ центръ всякаго рода сельско-хозяйственныхъ операций. На мѣстный торгъ привозили не только хлѣбъ для продажи оптовымъ покупателямъ; торговали здѣсь и въ розницу разными предметами сельскаго хозяйства. По таможеннымъ грамотамъ

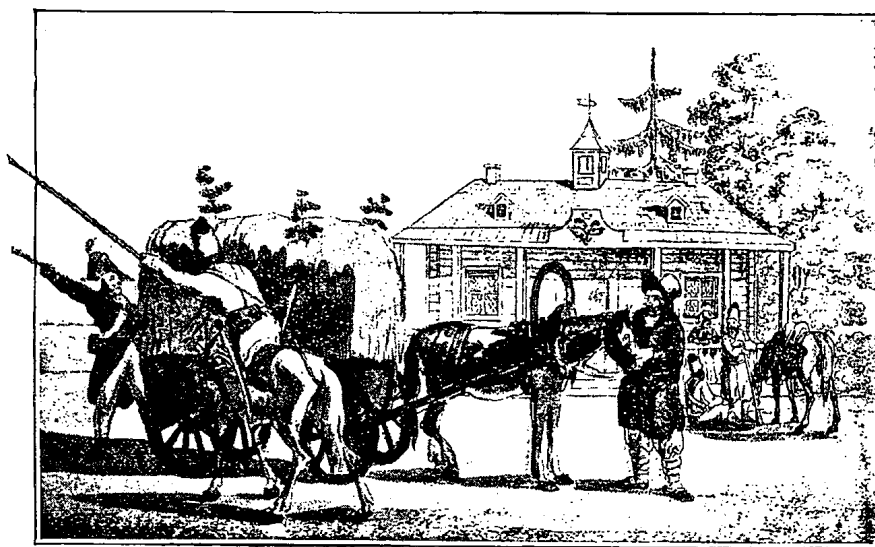

На пашнѣ XVIII в. (Аткисопъ).

видно, что тутъ продавались: коровы, бараны, соль, гуси, утки, поросята, яйца, горохъ, толокно, медъ, хмель, конопля.. Не надо, конечно, преувеличивать степень его развитія. Въ условіяхъ развитія сельско-хозяйственнаго рынка тогда было очень много неблагопріятнаго: плохія дороги, неустойчивость хлѣбныхъ цѣнъ, внутренніи таможни; наконецъ развитіе крепостнаго права съ его первоначально замкнутымъ хозяйствомъ все это не могло не тормозить начавшагося въ странѣ торговаго движенія.

Экономическая жизнь первой четверти XVIII вѣка характеризуется новыми явленіями: съ одной стороны, измѣняется направленіе внѣшней торговли, благодаря принудительному курсу торговли на Петербургъ; съ другой стороны, въ странѣ принимаютъ рядъ мѣръ къ развитію крупной промышленности, фабрикаты которой до сихъ поръ покупались на Западѣ.

Намъ нѣтъ нужды касаться вопроса о генезисѣ крупнаго производства при Петрѣ и объ отношеніи его къ торговому капиталу XVIII вѣка ¹⁾. Нѣтъ также необходимости въ изученіи тѣхъ условій, которыя тормозили или толкали впередъ наше крупное производство. Во всякомъ случаѣ, одно очевидно, что во второй половинѣ XVIII вѣка наша крупная промышленность быстро шагнула впередъ. При вступленіи Екатерины II считалось всего 984 фабрикъ и заводовъ, а въ годъ ея смерти—3.161 ²⁾. И развитіе крупнаго производства и перемѣны въ направленіи торговыхъ путей имѣли большое значеніе для сельско-хозяйственнаго рынка. Дифференціація города и деревни уже намѣчалась въ XVIII в.; въ XIX вѣкѣ этотъ процессъ развивается въ томъ же направленіи, и нѣкоторые промышленные города провели рѣзкую демарка-

Крестьяне съ сѣномъ у городской заставы. (Gruber)

ціонную черту, отдѣлявшую ихъ отъ деревни. Города стали центрами обрабатывающей промышленности; населеніе принимаетъ дѣятельное участіе въ торгово-промышленной жизни города, деревня попрежнему оставалась лабораторіей производства сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Городъ и деревня, какъ двѣ разныя экономическія категоріи, оказываются тѣсно связанными. Городъ сталъ постояннымъ рынкомъ, куда деревня поставляла свои продукты, сбытъ которыхъ тамъ былъ обезпеченъ. Съ другой стороны, деревня давала городу тотъ контингентъ рабочихъ рукъ, въ которыхъ онъ нуждался ³⁾. Но воздѣйствіе города на деревню было относительно незначительное: деревня почти не покупала туземныхъ фабрикатовъ, живя въ

¹⁾ Туганъ-Барановскій, «Русская фабрика», т. I, стр. 2—3.

²⁾ Ibidem, стр. 45.

³⁾ Кизеветтеръ, «Посадская община», стр. 113.

рамках крепостного чистаго натурального хозяйства и самостоятельно удовлетворяя свои потребности. Мало того, по характеру производства въ XVIII в крупное производство не убивало мелкой кустарной промышленности, являвшейся въ некоторомъ отношеніи его опаснымъ соперникомъ. Развитие городовъ и увеличеніе городского населенія—съ 328 т. (1724 г.) и до 1.301 т. (1796 г.)—являются лучшими показателями усиленія значенія города, какъ промышленнаго центра, но быстро увеличиваясь абсолютно городское населеніе относительно росло очень медленно въ теченіе вѣка. Въ первой половинѣ вѣка оно остается безъ всякаго измѣненія—3,2%—3,1% ¹⁾, и только къ концу царствованія Екатерины II относительная его численность поднялась до 4,1% ²⁾... Быстрому росту городского населенія очень препятствовало крепостное право, дѣлавшее фактически невозможнымъ отливъ населенія въ городъ. Крупное производство развивалось преимущественно въ районѣ около Москвы, бывшемъ раньше центромъ сельско-хозяйственной культуры. Это совершенно измѣнило характеръ производительнаго труда въ этой полосѣ. Сосредоточеніе населенія въ этой мѣстности превращало ее въ весьма выгодный для сельскаго хозяйства потребительный рынокъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь для прокормленія уже не хватало своего собственнаго хлѣба; районъ питался хлѣбомъ, привозимымъ изъ черноземныхъ губерній, гдѣ и урожан были лучше и издержки производства меньше И населеніе находить для себя болѣе выгоднымъ отходъ на промыслы и фабрики. Свободное крестьянство бросаетъ свои участки и идетъ въ города.

Эти новыя хозяйственныя отношенія должны были сказаться и на помѣщичьемъ хозяйствѣ. Помѣщику стало невыгоднымъ поддерживать въ черноземной полосѣ сельско-хозяйственную культуру, извлекая выгоду путемъ приложенія крестьянскаго труда къ землѣ. Помѣщики предпочитаютъ переводъ крестьянъ на оброкъ съ предоставленіемъ имъ свободы въ выборѣ занятій.

Крестьянка XVIII в. (Le Prince)

¹⁾ Лященко, «Очерки аграрной эволюціи Россіи», т. I, стр. 152.

²⁾ Милюковъ, «Очерки русской культуры», изд. 1898 г., часть I, стр. 79.

Крестьянская масса могла приложить свой трудъ къ работѣ на фабрикахъ и другихъ отхожихъ промыслахъ. Дѣйствительно, въ половинѣ XVIII вѣка почти $\frac{1}{3}$ рабочихъ на фабрикахъ были вольнонаемными изъ числа крестьянъ. На полосѣ черноземной замѣчается совершенно обратное явленіе: увеличеніе общаго числа барщинныхъ крестьянъ, и преобладаніе ихъ надъ оброчными. По подсчету В. И. Семевского въ 14 губерніяхъ нечерноземной полосы: Костромской, Вологодской, Нижегородской, Ярославской, Олонецкой, Калужской, Петербургской, Владимирской, Новгородской, Московской, Тверской, Смоленской и Псковской, 55% крестьянъ были на оброкѣ, а если разсматривать количество оброчныхъ въ каждой губерніи въ отдѣльности, то эту среднюю цифру приходится значительно увеличить. Въ губ. Костромской и Вологодской % оброчныхъ доходилъ до 83—85%, Ярославской—78% и т. д. Въ черноземной же полосѣ (губерніи Тульская, Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Пензенская и Воронежская) около 74% помѣщичьихъ крестьянъ было на барщинѣ. Наибольше сильно было развито барщинное хозяйство въ Курской губерніи (92%), Рязанской (81%), Тамбовской (78%). Такое распредѣленіе барщиннаго и оброчнаго труда зависѣло не только отъ эволюціи экономической жизни въ странѣ, а также отъ характера распредѣленія крѣпостного труда. Въ губерніяхъ нечерноземныхъ, гдѣ было значительно развито крупное рабовладѣніе при сравнительно мелкомъ землевладѣніи, рабочихъ рукъ хватало съ излишкомъ. Переводъ на оброкъ достигался самъ собою, независимо отъ того, насколько это было выгодно помѣщику въ смыслѣ увеличенія его ежегоднаго дохода. На черноземѣ картина другая: здѣсь много земли, но мало населенія. Тутъ нельзя говорить объ избыткѣ труда; скорѣе замѣчается въ немъ недостатокъ. Земельная рента помѣщика могла быть увеличена только съ помощью приложенія барщиннаго труда. Впрочемъ, послѣдній прилагался не только къ землѣ.

Дворянство, оцѣнивъ выгоды крупнаго производства и располагая даровымъ трудомъ, начало открывать суконныя фабрики, заранѣе обезпечивъ себя казенными заказами. Къ концу вѣка около 50% всѣхъ суконныхъ фабрикъ были въ рукахъ виднѣйшихъ лицъ изъ русской аристократіи. Все это и опредѣлило преобладаніе барщинной системы на черноземной и отчасти на нечерноземной полосѣ. Необходимо также отмѣтить, что во второй половинѣ XVIII вѣка центръ сельско-хозяйственной культуры окончательно переносился на черноземъ, на что отчасти повліяла и принудительная торговля на Петербургъ, соединенный съ черноземной полосой сѣтью каналовъ. Для расширенія и интенсификаціи сельско-хозяйственной культуры во второй половинѣ вѣка было не мало благоприятныхъ условій. Отмѣна внутреннихъ пошлинъ съ провозглашеніемъ принциповъ свободной торговли и предоставленіемъ дворянству въ пожалованной грамотѣ права „оптомъ торговать, что въ деревняхъ водится“; увеличеніе вывозной торговли черезъ Каспійское и